

Пока наследный принц Чэнь Гухуэй радовался про себя, наступил самый важный момент этого пиршества. Присутствовавшим неженатым отпрыскам знати предстояло вместе сложить стихи на тему лотоса. Наградой же в этот раз должна была послужить семицветная ширма из глазури с утками-мандаринками и гибискусом, которую преподнесла Вдовующая императрица. Техника изготовления этой ширмы поражала воображение своей изысканностью: чистейшая, прозрачная до последнего изъёма глазурь переливалась сплетением семи цветов, словно в сказочном сне. Вырезанные на ней утки-мандаринки казались живыми, узор их перьев прорабатывался до мельчайших деталей, создавая ощущение, будто птицы вот-вот взмоют ввысь. Цветы лотоса в пруду выглядели чарующе и живо, их пышные изумрудные листья раскинулись так широко, что можно было различить каждую жилку. С наступлением ночи ширма являла собой и вовсе дивное зрелище: она излучала мягкое семицветное сияние, заливая всю комнату поистине живописными красками. Эта бесценная вещь по праву считалась величайшим сокровищем.

Вдоваящая императрица обратилась ко всем присутствующим:

— Эта семицветная ширма из глазури с утками-мандаринками и гибискусом была преподнесена соседним государством в качестве дани в прошлом году. Наследный принц уже много раз просил у меня её, но я всё не соглашалась. Сегодня я выставила её ради общего веселья в качестве награды. Государи мои, постарайтесь изо всех сил!

Услышав это, все задумались. Вдоваящая императрица уже дала понять, что эта вещь — любимое сокровище принца, а всем прекрасно известно, что наследному принцу исполнилось двенадцать лет. Согласно обычаям государства Чэнь и традициям императорского рода, наследный принц уже достиг возраста, когда пора выбирать жену наследного принца. По давнему правилу государства Чэнь, наследный принц обручался в двенадцать лет, а в четырнадцать играл свадьбу. И та девушка, с которой совершался обряд помолвки, неизбежно становилась будущей женой наследного принца, то есть его законной супругой. Разве найдётся в Столице хоть одна благородная девица, которая не мечтала бы связать свою судьбу с наследным принцем? Наследный принц пользовался всеобщей славой: он был не только невероятно красив лицом и обладал изящными манерами, но также отличался добрым сердцем и выдающимся умом. В повседневной жизни он выказывал доброту и милосердие к простым людям, был почтительным и почтительным с вашими старшими и скромным и вежливым с ровесниками. При дворе же он проявлял необыкновенную мудрость и решительность, неоднократно предлагая дельные стратегии и разрешая сложные государственные задачи. Именно поэтому он издавна оставался предметом тайных воздыханий для всех столичных девиц. Если бы кому-то удалось одержать победу в сегодняшнем поэтическом состязании и завоевать эту ширму в подарок наследному принцу, это можно было бы счесть за протянутую к нему ветвь мира и знак благосклонности.

Единственным, чего Вдоваящая императрица никак не ожидала, было то, что наследный принц Чэнь Гухуэй не остался на пиру для приближенных чиновников, а пожаловал на вечерний банкет вглубь дворца, из-за чего теперь и сам был вынужден участвовать в состязании. Вдоваящая императрица намекнула принцу:

— Сегодня ты с утра до вечера единолично распоряжался состязаниями на плацу, должно быть, ужасно устал. Почему бы тебе не понаблюдать вместе со мной за тем, как остальные соревнуются в поэзии?

Кто бы мог подумать, что обычно сообразительный наследный принц Чэнь Гухуэй словно бы не уловил скрытого смысла слов Вдоваящей императрицы и тут же ответил:

— Бабушка, вы сами сказали, что эта ширма — любимая игрушка вашего внука, так что я, конечно же, тоже хочу попробовать свои силы.

Услышав такой ответ, Вдоваящая императрица решила, что этот внук действительно загорелся азартом, и не стала портить ему настроение. Она обратилась к собравшимся:

— Что ж, тогда я задам вам тему: пусть каждый сложит по стихотворению о цветении лотоса, идет? На дневных испытаниях на плацу победителем вышел юный Сыма Цзюньюань.

С этими словами она повернулась к Сыма Цзюньюаню и произнесла:

— Сыма Цзюньюань, начни-ка ты.

Сыма Цзюньюань был искушен в боевых искусствах и военном деле, и хотя нельзя было сказать, что он совсем ничего не смыслил в стихах, его поэтический дар был поистине посредственным. Стоило ему внезапно приказать сочинить стихотворение о лотосах, как в ту же секунду он оказался в полном тупике.

Столичные аристократы привыкли частенько собираться вместе. То они устраивали посиделки в уединенных двориках, где среди изысканных чайных угощений под звуки струн и флейт слагали стихи; то катались на лодках по живописному озеру, черпая вдохновение в пейзажах и изливая свои чувства; а порой поднимались на изящные башни, откуда любовались оживленными улицами, пили вино и предавались поэтическому вдохновению. Каждая такая встреча непременно сопровождалась созданием стихов на разные темы, во время которых гости обменивались опытом и оттачивали мастерство. Подобные поэтические собрания на цветочную тему происходили сплошь и рядом, и почти у каждого в запасе благоговременно хранилось парочка готовых строк. Даже если не удавалось выдать поражающий воображение шедевр, любой мог без труда выдать хотя бы заурядное стихотворение, посвященное любованию лотосами.

Сидевший рядом наследный принц Чэнь Гухуэй, пользуясь тем, что ему всего двенадцать лет, услышав, как Вдоваящая императрица первой назвала Сыма Цзюньюаня, тут же капризным тоном произнес:

— Бабушка, раньше, когда случалось что-то хорошее, вы всегда в первую очередь вспоминали о вашем внуке. Глядя на то, как сегодня на плацу вы обратили внимание на высокое боевое искусство выросшего в военных лагерях Сыма Цзюньюаня и даже право первого слова отдали ему, я понимаю: похоже, я впал в немилость.

Напомненная этим внуком, Вдоваящая императрица наконец вспомнила, что Сыма Цзюньюань только что вернулся с приграничных земель. К счастью, подсказка принца пришлась вовремя: с одной стороны, Император действительно приказал Сыма Цзюньюаню стать компаньоном наследного принца отчасти ради того, чтобы удерживать его в качестве заложника, но с другой — императорский двор искренне желал тесного союза с кланом Сыма, стремясь укрепить

отношения в качестве стратегических партнеров. Разве стали бы они намеренно ставить представителей клана Сыма в неловкое положение?

Поэтому Вдовящая императрица подхватила слова наследного принца Чэнь Гухуэя:

— Хорошо-хорошо, тогда начни ты, а мальчишку из клана Сыма оставим напоследок.

Затем она с материнской лаской улыбнулась Сыма Цзюньюаню и добавила:

— Мой внук с малых лет рос рядом со мной, вот я его немного и избаловала, уступи ему.

Сыма Цзюньюань сложил руки в приветственном жестите и ответил:

— Слушаюсь, Ваше Высочество.

Чэнь Гухуэй немного подумал, размышляя над тем, какое именно стихотворение лучше сочинить. На самом деле к этой ширме он изначально питал лишь умеренный интерес, а увидев её впервые у Вдовящей императрицы, лишь удивился тому, как дивно она переливается всеми цветами радуги в темноте. Однако он вовсе не желал, чтобы ширма досталась какой-нибудь барышне, из-за чего его собственная помолвка оказалась бы заключена слишком рано, а потому и решил принять участие в поэтическом состязании. Но сейчас, чтобы подать подсказку Сыма Цзюньюаню, он не мог сочинять слишком замысловатые стихи — напротив, ему требовалось создать образец, который тот мог бы взять за основу. Прохаживаясь туда-сюда, он заговорил:

Алый лотос цветет, танцуя на свежем ветру,

Пышный облик прекрасен, роняясь в лазурь небеси.

Тень резная качается около буйных кустов,

Аромат распускается так бесконечно-красив.

Услышав стихотворение наследного принца, все присутствующие крайне изумились. И дело вовсе не в том, что стихи оказались плохими. Просто наследный принц начал посещать занятия с двух лет, с пяти лет сопровождал Императора Чэнь Сюаньгуана на официальных приемах, а с семи лет уже участвовал в обсуждении важных дворцовых дел и нередко слагал стихи. Каждое созданное им произведение неизменно вызывало всеобщее восхищение, и все они бережно хранились в Управлении историографов. На этот же раз творение вышло на удивление заурядным. Более того, строка «Пышный облик прекрасен, роняясь в лазурь небеси» заставила многих невольно подумать: неужели это написано о Ли Цяньцянь, только что опустившейся у взрослых лотоса?

Стоило зайти речи о Ли Цяньцянь, как мнения окружающих разделились самым кардинальным образом. Одни считали, что она всего лишь дочь наложницы заместителя министра ритуалов, а с таким низким происхождением ей ни за что не сыскать путь к сердцу наследного принца. Даже если принц из минутного баловства обратит на нее внимание, это станет лишь

мимолетной прихотью, которой не суждено принести плоды. В конце концов, в жены наследного принца годилась лишь девица из равной по силе семьи с глубокими родовыми корнями, способная достойно помогать принцу и править страной вместе с ним.

Другие же полагали, что в Ли Цяньцянь вполне может таиться нечто особенное. Пусть её происхождение и не блестяще, но лицом она вышла на редкость хороша, да и поговаривали, будто умом и талантами она не обделена. Если её привлечет внимание наследного принца и за нее возьмутся всерьез, она вполне сможет стать надежной опорой для будущего правителя. Быть может, принц как раз и разглядел в ней скрытый потенциал и непохожую на других индивидуальность.

И все же большинство сходилось во мнении, что даже если наследный принц и проявит к Ли Цяньцянь некоторый интерес, Император и Вдоваящая императрица никогда на это не согласятся. В худшем случае её возьмут во дворец лишь наложницей низшего ранга, но возвести в ранг жены наследного принца не позволят ни при каких обстоятельствах.

<http://bllate.org/book/21887/2273097>